

В ОЖИДАНИИ ГОРБАЧЕВА

О книгах: Ludmila Alexeyeva, *Soviet Dissent, Contemporary Movements for National, Religious and Human Rights*, Wesleyan University Press, pp. 521

Donald R. Shanor, *Behind the Lines. The Private War Against Soviet Censorship*, St-Martin's, pp. 179

Возможно, что в течение года или около того огромный и неуклюжий Советский Союз начнет менять свой курс. Отправными точками для сравнения предстоящих сдвигов могут служить прежние — в 1921 году, 1929—1934, 1953—1956 и 1964—1966 гг. Если это случится, то будут ли изменения направлены в сторону реформ, на что имеются некоторые намеки, или же в сторону реакции? Каковы могут быть последствия таких перемен для зажатых теперь в тиски инакомыслящих, история борьбы которых впервые обстоятельно описана в книге Людмилы Алексеевой? Почему сомнительно (хотя не невозможно), что тенденции последних двух десятилетий будут продолжены? Коротко, мой ответ таков: потому что этот курс ведет к беспорядку, ко все углубляющемуся беспорядку, порождающему глубокую деморализацию и народа и режима. Прежние тенденции могут сохраниться, если только фракция Горбачева, избрав какой-то курс, не сможет его выдержать и утратит власть в пользу соперничающей фракции, предпочитающей другой курс,

т. е. если внутри правящей элиты возникнет политическая нестабильность. Но ничего похожего не случилось в прошлом.

Почему многие советские люди находят существующее положение неприемлемым? Наиболее обычный ответ в СССР таков: потому, что оно породило все возрастающее и нетерпимое „отсутствие порядка” — выражение, часто используемое во всех слоях общества и повторяемое побывавшими в СССР людьми. „Отсутствие порядка” сказывается во всех областях жизни, пронизывает повседневное существование и вызывает глубокое беспокойство. В самом прямом смысле, отсутствие порядка означает, что преступность и коррупция неуклонно возрастают — или, по крайней мере, так считают многие, а статистика об этом — государственная тайна. Одновременно слишком распространилось мелкое воровство, алкоголизм, участились разводы, аборт, растет детская смертность, врожденные дефекты у новорожденных, смертность взрослых мужчин, враждебность внутри социальных классов и между классами. Более того, учреждения, ответственные за предупреждение этих бед — милиция, суды, советы, партия, органы здравоохранения и т. д. выглядят все более и более продажными и неэффективными.

Отсутствие „порядка” означает также, что нет разумной предсказуемости в повседневной жизни — в обеспечении продовольствием и медицинскими услугами. Постоянная нехватка основных продуктов питания, постоянная необходимость давать взятки или прибегать к услугам черного рынка, при том, что то и другое и недозволено, и дорого, становятся все более обычными. Более того, не навели порядка и в Афганистане, где „ограниченный контингент” советских войск „временно присутствует” шестой год. Вместо этого беспорядок там порождает насилие и смерть, дискредитирует официальный патриотизм и усугубляет деморализацию. Кроме того, с конца 70-х годов ситуация стала трудной в некоторых определенных отношениях для обеих политически активных групп советского общества — правящей элиты („номенклатуры”) и инакомыслящих. Раньше „номенклатура” была единственной общественной группой, наслаждавшейся более или менее безопасной жизнью. Но в 1979г. ее привилегированное положение было поколеблено началом

кампании против коррупции. Это продолжается до сих пор и, несомненно, будет продолжаться, пока это будет нужно Горбачеву для избавления от противников и утверждения всюду своих сторонников — наиболее важная на сегодня из поставленных им себе задач. Он уже сменил 18 из 150 первых секретарей обкомов и десятки других высших должностных лиц.* Таким образом, комфортабельное чувство порядка, порожденное пятнадцатью годами брежневской политики „стабильности кадров” — отсутствие страха перед смещением с должности — у многих из элиты уступило место тревоге в связи с реальной возможностью потери должности и даже страху быть посаженным в тюрьму за коррупцию.

Что касается инакомыслящих, их всегда небезопасное существование после 1979 г. сменилось еще более острой коллизией, поскольку их выбор теперь ограничен тремя возможностями: открытая деятельность с последующим тяжким приговором после ареста; подпольная работа, за которую после раскрытия грозит еще более тяжкий приговор, или прекращение активности. Последствия последнего неизвестны и часто психологически тяжелы, а цена за выбор открытой или подпольной деятельности — лагерь и разбитое здоровье или чаще, чем раньше, смерть там.

Таким образом, жалобы на „отсутствие порядка” — это выражение тревоги по поводу подрыва жизненных устоев; символов национального единства сохранилось совсем немного, и к жизненным устоям все относится с уважением. Все это, возможно, было бы терпимым, если бы дела с экономикой стали лучше, чем сейчас. Но темпы роста упали почти до нуля, и без серьезных преобразований вряд ли можно ожидать улучшений. Всеобщая острая нужда в потребительских благах часто вызывает раздражение, а военные руководители запрашивают все больше средств, так как гонка вооружений опять становится

* К моменту сдачи журнала в печать Горбачев сменил уже более 30 первых секретарей обкомов и крайкомов и назначил 7 новых заведующих отделами ЦК КПСС. Смена кадров проводится также в государственном аппарате. — Ред.

более интенсивной.

Ситуация в целом может казаться как бы сделанной на заказ на лидера-реформатора, и некоторые наблюдатели видят такого в Горбачеве. Действительно, в течение последнего года он вновь и вновь призывал к решительной революции в экономике, к глубокой перестройке всего экономического механизма и т. д. Однако „номенклатура” состоит из людей, инстинктивно отвечающих на напасти по-неосталинистски, и в последние годы большинство мероприятий Кремля носило реакционный характер — происходило то же, что в ответ на начинания Хрущева, успешные и безуспешные. С тех пор мы наблюдали вторжение в Афганистан, ксенофобскую антизападную кампанию 1983—1984 гг., жестокое подавление инакомыслия, прекращение эмиграции, усиление принуждения к труду, учащение проявления антисемитизма и грубого русского национализма. Если неосталинисты, поощрявшие такие мероприятия, будут иметь поддержку в верхах в течение нескольких следующих лет, следует ожидать усиления таких тенденций.

Однако я думаю, что такой результат менее вероятен, чем некоторого рода победа — возможно, частичная и непоследовательная — реформистских сил. Нас не должно удивлять, что ничего существенно не изменилось в советской политике со времени прихода Горбачева к власти в марте нынешнего года — ни в отношении к инакомыслящим, ни в отношениях с США. До тех пор, пока он работает над укреплением основ своей власти в партии и на других ключевых позициях, он не может позволить себе оголить фланги, обнаружив более или менее ясно какие бы то ни было свои идеи, отличающие его от других. Он может создать такую базу самое раннее к февралю следующего года, когда состоится XXVII съезд партии.

Другая возможная причина все более вымученного отказа Горбачева объявить о коренных реформах, о необходимости которых он продолжает говорить, его неуверенность в возможности достичь серьезного прогресса в советско-американских переговорах о сокращении вооружений. Интервью Горбачева корреспондентам журнала „Тайм” усилило мое впечатление, что проект реформ не может быть представлен до тех пор, пока неосталинская оппозиция этим реформам не нейтрализована

хотя бы надеждой на такой прогресс.

Во всяком случае, если в следующем году Горбачев начнет реформы, стараясь, среди прочего, ослабить глубокую напряженность в советском обществе и его деморализацию, описание деятельности диссидентских групп в последние два десятилетия будет ему полезным — для понимания сути напряжения, которое ему предстоит разрешить. Такое описание теперь существует: это книга Людмилы Алексеевой „История инакомыслия в СССР”, крупнейшее достижение в области сбалансированного анализа этой сферы советской жизни. Автор последовательно изучает каждую из пары десятков основных диссидентских групп и движений, описывая их цели, их основные идеи, методы, степень поддержки в советском обществе, их взаимоотношения между собой и с КГБ, и т. д. Алексеева доводит свой анализ до конца 1983 г. (Последующее развитие рассматривается в расширенном издании книги Джошуа Рубинштейна „Советские диссиденты”,* полезной и хорошо написанной, хотя и не столь энциклопедической).

За что же подвергались гонениям инакомыслящие, и что можно было бы предложить Горбачеву сделать для них и для тех, в защиту кого они выступают, чтобы удовлетворить их требования хотя бы частично?

Обсуждение этих вопросов должно начаться с подготовки экономической реформы, поскольку широко распространено мнение, что следует сделать нечто радикальное для улучшения промышленного и сельскохозяйственного производства, положения с жильем, количества и качества потребительских товаров и т. д. Как было сказано выше, Горбачев уже сформулировал свою основную идею. Он начал с той же предпосылки, что и Андропов: что Советский Союз не может оказывать влияния на дела мира, не имея сильной и надежной экономической базы в дополнение к своей военной мощи. Так как сейчас такой эко-

* Joshua Rubenstein, *Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights* (Beacon Press, второе издание должно выйти в свет в декабре 1985 г.)

номики нет, необходима существенная реорганизация всего экономического механизма, с тем, чтобы зависимые от СССР страны СЭВ провели такие же перемены.

В интервью с корреспондентами журнала „Тайм” Горбачев суммировал свою программу в словах — „ускорить социальное и экономическое развитие”, и хотя он мало что сказал о социальном аспекте, объединение этих двух направлений развития, возможно, что-то значит. Настоятельная необходимость реформ вытекает, в частности (хотя в различных источниках на это только намекается, но не утверждается), из необходимости подпирать экономически все более хрупкую империю, включающую страны Восточной Европы, и, в частности, из-за вызова, который представляет собой возрождение Китая под руководством Дэн Сяопина. Это также вытекает из признанного всеми факта, что СССР безнадежно отстал от Запада, переживающего революцию в области микрокомпьютеров. Тут уместно вспомнить инакомыслящих. Похоже, по многим ключевым вопросам Горбачев, если не ограничиваться чтением его речей, но принять во внимание его недавние экономические эксперименты, склонен к решениям, сходным с предлагавшимися в 60-х годах Андреем Сахаровым, Роем Медведевым и другими. Практически они призывали к ограниченному восстановлению частного предпринимательства в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания. В промышленности, которая должна остаться под руководством государства, они предлагали провести резкую децентрализацию в области принятия решений. Хотя много свидетельств о таких мерах в Венгрии и Югославии, а с недавнего времени в Китае, Горбачев в данное время все еще не решается на столь радикальные изменения, хотя, очевидно, это соблазнительно для него. Относительно расширения использования компьютеров во всех сферах советского общества, он и другие советские руководители высказываются более ясно. В некоторых школах уже введены курсы по работе с компьютерами. Но имеются основательные сомнения, что режим может добиться многого только риторикой. Как Сахаров писал еще в 1968 г., серьезное внедрение компьютеров будет способствовать не только успехам в экономике, но и демократизации в политической области. Перспектива иметь тысячи граждан, использующих компьюте-

ры для хранения, печатания, обмена и воспроизведения информации частным образом должна быть пугающей для официальных лиц в обществе, где даже фотокопировальные машины находятся под охраной.

Это и есть вывод, сделанный Доналдом Шенором в его глупой, необыкновенно ясной книге „За строками”. Шенор как журналист путешествовал по Советскому Союзу, и он утверждает, что, хотя режим все время нацелен на сохранение полной монополии над информацией, его возможности в прессе, публикациях, на радио и в телевидении постепенно подтачивались на протяжении последних тридцати пяти лет. Чтобы это продемонстрировать, он указывает на достижения радиовещания из-за границы, на письма эмигрантов домой, на „самиздатскую” сеть книг и магнитофонных лент и революцию в области компьютеров и видеомагнитофонов в последнее время. Кроме этого, давно существуют так называемые „неофициальные информационные связи”, через которые распространяется много новостей из различных неофициальных источников, что инакомыслящие использовали в своих целях с конца 60-х годов.

Записи на магнитофон радиопередач из-за рубежа и последующее распространение этих записей давно раздражает власти, но подавить это они не в состоянии. С недавнего времени в Эстонии существует домашнее производство видеокассет с передачами финского телевидения, озвученными по-русски и продаваемыми на черных рынках по всей стране. Согласно мышлению кремлевского руководства, это сильно увеличивает политическую угрозу. Шенор заключает:

„Интегральные системы и волоконная оптика притягивают СССР к остальному миру с силой, которой он не может сопротивляться, если он хочет соревноваться с этим миром.

Можно встретить информационную революцию так же, как и прежние вызовы: откладывая решение, занимая в одном месте, действуя иначе в другом, отступая, перегруппировываясь и надеясь, что, в конце концов, удастся сохранить контроль над информацией и одновременно приобрести блага свободного информационного обмена. Но результатом будет более широкое проник-

новение независимой информации в Советский Союз, и режиму придется терпеть это, поскольку он будет неспособен воспрепятствовать этому”.

Шенор заканчивает смелым оптимистическим предсказыванием, что основным эффектом появления более информированной публики „будет необходимость для нового поколения кремлевских лидеров объяснять их политику и принятие решений гораздо подробнее и более открыто. Возможно, это кажется не очень существенным. Но это может побудить новых лидеров более тщательно обдумывать такие решения как арест какого-либо ученого, писателя или активиста движения за мир, или вторжение в какую-либо страну. Это может даже заставить их вообще отказаться от таких действий.

Если Шенор прав, — а его технические знания выглядят впечатляюще — то одно из главных требований, разделяемых всеми направлениями инакомыслящих — о большей свободе информации и самовыражения — будет, по крайней мере частично, удовлетворено. Последствия этого заслуживают рассмотрения. Следует помнить, что именно о предложении диалога с послехрущевским руководством по политическим, экономическим и социальным вопросам думали в середине 60-х годов московские интеллектуалы, примыкающие к истаблшменту. Об этом думал Рой Медведев, когда он организовал группу вокруг своего журнала „Политический дневник” в 1964 г.; Сахаров и Чаплидзе действовали исходя из тех же предположений, создав Комитет прав человека в СССР в 1970 г. Но в начале 70-х годов режим Брежнева отделался от этого „лагеря”. Хранилища знаний, мысли и „институты по изучению”, контролируемые партией, были крепко заперты изнутри. Все остальное ушло в дебри „самиздата” и КГБ.

Теперь, однако, перспективы могут улучшиться для терпеливого Медведева (хотя он несколько скомпрометирован в глазах многих инакомыслящих), а также для более молодых полудиссидентов, готовых к дискуссиям и в определенной степени к сотрудничеству с более открытым режимом. Какая-то часть интеллигенции — писатели, специалисты в разных областях науки, экономисты, неудовлетворенные ученые — верят, что

информационная революция может создать более конструктивные отношения с режимом Горбачева, сравнимые, возможно, с существующими в последние годы в Венгрии. Если эти надежды оправдаются, это логически приведет к существенному ослаблению контроля в области культуры, и в результате наиболее талантливые писатели, художники и ученые меньше будут стремиться к бегству или к эмиграции. По-моему, раньше или позже, советский политический руководитель будет вынужден к такой либерализации, выдавая, несомненно, за собственную заслугу то, чему он покорился по необходимости, вытекающей из анализа Шенора. Он найдет отклик в обществе, лишившегося не только Солженицына, Ростроповича, Макаровой, Вениамина Левича и Виктора Корчного, которые сейчас все как бы не существуют для него, но также многих других, столь же или почти так же талантливых в своих областях. Такие же удручающие потери ощущаются теперь в экономике, медицине, истории, философии, журналистике, в изобразительном искусстве, в литературной критике и многих других областях.

Иными словами, утечка талантов стала национальной проблемой, ожидающей, когда за нее возьмется смелый политик. Если строгость политической и идеологической цензуры, наконец, уменьшится, информационные издания инакомыслящих перестанут так регулярно сообщать о преследованиях и последующих отъездах за границу талантливых советских граждан.

Другим главным требованием инакомыслящих является подчинение закону, а не людям, т. е. требование сократить произвол и коррупцию системы. И здесь итог последних двадцати лет довольно безотрадный, но Горбачев мог бы что-то изменить. Легализация значительной части подпольной („второй“) экономики (к чему он, по-видимому, склонен) могла бы стать хорошим началом. Для успеха любого прогрессивного преобразования в промышленности, контролируемой государством, потребуется больше ответственности перед законом управляющих на местах и всех работников в экономической сфере.

Если официальные учреждения будут улучшены таким образом, то будет легче разрешить проблему отношений с инакомыслящими. Можно более четко определить политические об-

винения, чтобы КГБ не решался произвольно налагать санкции. Отказы в эмиграционной визе могли бы стать предметом рассмотрения жалоб в соответствии с законом. Судам можно было бы указать на прекращение практики помещения критиков системы в психиатрические больницы. Если Кремль заменит несколько официальных лиц, ныне возглавляющих советскую психиатрию, эта практика могла бы прекратиться уже сейчас, без всякого труда и с выигрышем для международного престижа СССР. Инакомыслящие всегда выступали за менее суровые приговоры и более человеческие условия содержания в местах заключения, но результат был разочаровывающим. Если в середине 50-х годов ослабление давления на общество сопровождалось улучшением условий содержания в лагерях, то ужесточение контроля в последние 15 лет привело к обратному. Горбачев начал с поездок по русским городам и встреч с гражданами в манере Хрущева. Менее вероятно, что он поторопится превзойти Хрущева в смягчении карательной политики, но ему придется сделать это как часть общего процесса реформ и смягчения напряженности в обществе.

Не опасаясь чересчур сильной оппозиции со стороны неосталинистов, можно смягчить политику в области религии. Как показывает Алексеева, католики, баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня и, в меньшей степени, Русская православная церковь, были мишенью жестоких атак КГБ, особенно с конца 70-х годов. Прекращение преследований по религиозным мотивам не только способствовало бы снижению напряженности, но и помогло бы успокоить недовольные этими преследованиями западные общественные организации, что устранило бы главное препятствие советскому успеху в убеждении наивной западной церкви, что следует выступать против политики вооружений США и НАТО, но не Советского Союза.

В любом случае, политическая опасность освобождения примерно четырехсот известных сейчас поименно узников советники Горбачева. Около 25% этих узников составляют приверженцы протестантских церквей, не имеющие каких-либо политических стремлений; они всего лишь хотят исповедовать свою религию без вмешательства государства. Что касается церк-

вей нерусских наций — грузинских православных, армян-грего-рианцев, католиков Литвы и Западной Украины — численность их приверженцев, находящихся в заключении, невелика. Однако это приводит нас к одной из самых трудных проблем Кремля — к проблеме нерусских национальностей. Как показала Алексеева, национальные движения сильны на Украине, в трех прибалтийских республиках — Литве, Латвии и Эстонии, — и в Закавказье — Грузии и Армении. Кроме того, если будет продолжаться оккупация Афганистана, теперешнее, в основном, пассивное население Средней Азии может, по-моему, стать более воинственным. В этой ситуации твердо отстаиваемое неприятие федеральной системы ради сохранения унитарного государства, более подходящего для неосталинской политики (оптимальное решение для высших чинов) чревато серьезной опасностью отчуждения нерусских народов и даже их восстанием.

С другой стороны, уступить требованиям большей политической автономии и экономической самостоятельности для нерусских наций и большей свободы в области национальной культуры, уступить требованиям сократить приток русского населения в нерусские области для советского правительства довольно рискованно. Это может побудить к требованиям еще больших уступок, усилить слабые в настоящее время тенденции к отделению. Это может стимулировать сходные требования и в без того ненадежных колониальных государствах Восточной Европы. При отсутствии невообразимо дерзкого перевода экономики в радикальную форму рыночного социализма предоставление даже ограниченной автономии будет сопряжено с риском дальнейшего роста экономической самостоятельности, угрожающей священному принципу центрального планирования. Покамест, в силу этого, вряд ли следует ожидать заметных изменений в общей политике в отношении нерусских народов, однако новое руководство может принять во внимание специфические поводы недовольства некоторых национальных групп. Как указывает Алексеева, самые давние диссидентские движения — это возникшие в 1956 г. движения крымских татар и месхов. В 1944 г. эти мусульманские народы были по приказу Сталина депортированы в Среднюю Азию, за 3 тыс. километров — первый из Крыма, а второй из южной Грузии. В 1967 г. борьба

крымских татар привела к успеху — ложные сталинские обвинения в массовой измене были отменены. Против месхов никакие обвинения и не выдвигались. Но несмотря на три десятилетия борьбы, ни тот, ни другой народы не получили возможности вернуться на родину. Отказ Кремля разрешить им это отражает, видимо, консерватизм и инертность столь характерные для брежневского периода. Ввиду эффективности охраны границ СССР, опасность добавления полумиллиона мусульман к миллионам уже живущим вдоль советской границы представляется минимальной. Если Горбачев сделает это, он устранил источник раздражения из отношений с мусульманскими государствами, которые поддерживают изгнанных крымских татар и месхов.

Эмиграция — еще одна проблема, где изменения было бы относительно легко осуществить, и новое руководство уже намекало на свою готовность расширить возможности выезда. Как убедительно показал в недавней статье Мартин Гилберт (*The Fall of Soviet Jews*, *New York Review of Books*, May 30, 1985), еврейское движение за выезд теперь стало объектом таких же преследований, как и все остальные. Но несмотря на это, многие его участники далеки от отчаяния после фактического прекращения эмиграции с 1982 г. Попытки Кремля выложить в подходящие моменты на прилавок желающих выехать — в переговорах с США и даже с Израилем — другими словами, попытки „продать” их могут увенчаться успехом. Эмиграционное движение двух миллионов советских немцев не столь широкое, как еврейское, но столь же решительное. Их теперешнее положение сходно с положением евреев, только в этом случае потенциальным покупателем является правительство Западной Германии. С 1971 г. эмигрировало четверть миллиона евреев, а численность немецких эмигрантов не превышает 70 тысяч.

Однако одна широкая страта вообще не имеет организованных групп, которые выражали бы ее интересы. Это глубоко деморализованный рабочий класс. Как пишет Алексеева, две попытки создать свободные профсоюзы не породили ничего, хотя бы отдаленно сравнимого с польской „Солидарностью”. Группа Владимира Клебанова, начавшая действовать в 1977г., была раздавлена в течение месяца, а продолживший эти попытки

СМОТ (Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся) едва существует при непрекращающихся преследованиях со стороны КГБ. Советский пролетариат более чем какая-либо другая группа страдает от „отсутствия порядка”, о котором уже упоминалось выше. В добавление к разрушительному влиянию массового алкоголизма, ранней смертности, разрушению семей и т. п., рабочие подвергаются беспощадной манипуляции со стороны партии и КГБ, которые используют проверенный метод „разделяй и властвуй”. Те, кто думают, что я преувеличиваю, пусть прочтут недавно вышедшую книгу Кевина Клоуза,* где он пишет о своем беспрецедентном опыте, приобретенном в Донецке, центре Донецкого угольного бассейна. Поучительна также статья Мервина Мэтьюса „Бедность в Советском Союзе”.** В течение четырех дней Клоуз, корреспондент газеты „Вашингтон Пост”, жил среди городских низов, слушая рассказы людей об их жизни и наблюдая повальную деморализацию шахтеров. Как и ожидали все, с кем Клоуз встречался в эту поездку, Алексей Никитин – шахтер, не сломленный уже пережитым заключением, был арестован сразу же после того, как Клоуз покинул город. КГБ не напрасно воздвиг почти непреодолимые барьеры для таких контактов.

Заключение из всего этого таково: только комбинация экономической реформы, которая сразу же обеспечила бы эффективные стимулы и долгосрочные программы облегчения социальных недугов может привести к повышению низкой производительности труда советских рабочих. Если Горбачев решится приступить к выполнению грандиозных задач, ему было бы полезно прислушаться к голосам еще двух диссидентских групп, описанных в книге Алексеевой; обе эти группы преследуются с момента их возникновения в конце 70-х годов. Это группа помощи инвалидам, основанная жертвами несчастных случаев на производстве. Ее члены указывали, что поскольку

* Kevin Klose, *Russia and the Russians: Inside the Closed Society* (Norton, 1984).

** Mervyn Matthews, *Poverty in the Soviet Union*, *The Wilson Quarterly* (Autumn 1985)

на таких, как они, никто не обращает внимания, руководители производства продолжают пренебрегать мерами по безопасности труда. Это не только лишает экономику квалифицированных рабочих, убитых или раненых на производстве, но ведет к ожесточению производственных отношений, что является одной из причин низкой производительности труда.

Это также феминистское движение, которому Алексеева уделяет меньше внимания, чем Рубинштейн. Это движение могло бы указать на „двойной груз”, который несут советские женщины – на работе и дома. Они должны работать – и работа эта часто лакейская, делать все по дому и к тому же делать покупки, что часто означает стояние в очереди часами. Этот груз, лежащий на женщине, одна из причин разводов, распространения алкоголизма среди женщин и снижения рождаемости. Усиливающееся чувство социальной безнадежности, о котором я говорил, частично порождено условиями жизни женщин. Даже режим Брежнева, встревоженный падением рождаемости, принял некоторые меры для облегчения положения женщин, такие, как удлинение декретного отпуска. Горбачев, принявшись за серьезные реформы, должен был бы уделить внимание жалобам на положение женщин, так же как и по поводу положения других диссидентских групп.

Каково нынешнее положение этих групп? Почти все формально провозглашенные организации, которые объявили имена своих членов, как и Хельсинкские группы были раздавлены. Исключением является „Группа за установление доверия между СССР и США”, преследуемая властями, но не уничтоженная окончательно, из-за боязни отчуждения западного движения за мир. Член этой группы врач Владимир Бродский недавно был приговорен к трем годам лагеря строгого режима; а другой, Александр Шатравка, находясь в лагере, получил повторный срок – два с половиной года – по сфабрикованным обвинениям. Но несмотря на это, движения, породившие такие группы, продолжают функционировать, хотя и менее координированно, более спорадично и все чаще используя подпольные методы. Возникают время от времени и открытые группы. В „самиздате” выходит несколько периодических журналов, не считая обильных литовских, и новые работы, хотя и реже, чем в 70-е

годы.

Большинство самиздатских сочинений теперь выходят анонимно. Сеть распространения неофициальной информации тоже оказалась жизнеспособной. Каждый выпуск информационного бюллетеня „Новости из СССР: права человека“, выходящего два раза в месяц (издает Кронид Любарский по-русски и по-английски в издательстве „Страна и мир“) сообщает информацию о положении инакомыслящих примерно из двадцати различных мест в СССР. Большинство этих сообщений имеют давность не большую, чем несколько недель.

Что же касается политики властей по отношению к инакомыслящим, то с 1979 г. они поддерживают число новых арестов по политическим мотивам между двумя и тремя сотнями в год и практикуют долгосрочные приговоры. Согласно „Новостям из СССР“, за первые семь месяцев 1985 г. известны 117 арестов. Эти данные далеко не полны, так как многие случаи так и не достигают Запада. В настоящее время существует тесная связь между инакомыслящими и репрессиями. С 1972 по 1982 гг. развернутое наступление КГБ на все движения инакомыслящих стерло их небольшие формально организованные группы.* С тех пор и деятельность инакомыслящих и аресты, производимые КГБ, весьма стабилизировались. Это значит, что если в каждом году арестовывают 200 инакомыслящих, то столько же их друзей замещают арестованных. Так как число ежегодных арестов 200 или более неизменно в течение шести лет, то получается, что диссидент действительно эндемичен.

Чего же достигли инакомыслящие за это время при столь значительной их численности? Алексеева рассматривает движение за права человека и его союзников в других движениях более как моральное, нежели как политическое явление, в чем-то сравнимое с движениями Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Они хотят реформы сверху под давлением снизу и имеют „дополитические“ формы, как бы предназначенные возбудить мораль-

* Подробнее об этом в моей статье "Soviet Policies on Dissent and Emigration: The Radical Change of Course since 1979", Occasional Paper No 192 (1984), Kennan Institute for Russian Advanced Studies.

ную отвагу и устыдить режим, чтобы он ослабил давление, но не стремятся приобщиться к политической власти. В последние годы эта цель была несколько дискредитирована расстройством рядов правозащитников и чувством уныния из-за зажима КГБ, резко усилившегося с 1979 г., усилением антидемократических тенденций в СССР (к этому я еще вернусь) и постепенным поворотом к специфическим политическим целям внутри диссидентских движений. Хотя достижения инакомыслящих в изменении официальной политики невелики, их успех в изменении ментальности населения и в освобождении его от официальной идеологии, как считает Алексеева и я сам, значителен.

Для подтверждения этой точки зрения она ссылается на результаты двух опросов общественного мнения, тайно проведенных независимыми социологами в 1981 году. Они задавали вопросы об отношении к академику Сахарову и к польской „Солидарности“. В обоих случаях чуть более 20% опрошенных высказались сочувственно. Принимая во внимание еще одно свидетельство, Алексеева считает, что в больших городах с преобладающим русским населением около 20% жителей стоят на демократических позициях, 20% антидемократичны, и 60% политически инертны. В нерусских республиках, возможно, большая часть населения сочувствует идеям демократии.

Алексеевой есть что сказать об антидемократических силах. Это „правое крыло“ русских националистов-диссидентов и русских православных. Есть и фашистские группы, появляющиеся все чаще в 80-е годы. Сюда же относятся люди, считающие, что только железной рукой может быть положен конец всепроникающему „отсутствию порядка“. Алексеева пишет:

„Провалы экономики, коррупция, ухудшение жизненного уровня и боязнь войны, все это создает благоприятные условия популярной мечте о сильном правителе, что традиционно для России во времена кризиса“.

Неудивительно, что неосталинские элементы в номенклатуре пытаются манипулировать этими антидемократическими силами. Они убеждены, как показывает Алексеева, что КГБ, направляя удары против движения за права человека, будет

терпим к этим силам.

Теперь, при Горбачеве, неосталинисты, несомненно, попытаются войти в контакт с номенклатурщиками, лишившимися своих постов и живущими под угрозой их лишения, поскольку Горбачев захочет отдать эти посты своим сторонникам, или потому, что реформы, о которых он, конечно же, думает, могут скоро привести его к мысли вообще отменить некоторые должности или убрать занимающих эти должности сейчас как несоответствующих новым задачам. Из-за наличия этой объединенной коалиции неосталинистов и бывших сторонников Брежнева и Черненко, будет очень трудно приступить к осуществлению оптимистической программы, обрисованной мною, и еще труднее ее выполнить. Эта коалиция включает, главным образом, чинов милиции, идеологов, работников министерств, партийных чиновников, ответственных за выполнение экономических планов, и военных.

Шансы Горбачева одолеть эту коалицию очень увеличились бы, если бы он сумел привлечь на свою сторону руководителей советских вооруженных сил и военной промышленности. Эти люди, очевидно, обеспокоены слабостью советской экономики, низким уровнем общественной морали и общего состояния общества; и то, и другое плохо сказывается на качестве военных пополнений. Но их традиционная реакция на общественные проблемы такова же, как у номенклатуры: добиваться улучшений усиленными дисциплинарными и политическими мерами, проводимыми сверху, т. е. увещаниями и давлением. Другими словами, они стоят за дальнейшую милитаризацию экономики и общества, уже и сейчас много более милитаризованного, чем в странах Запада. Это путь частичной ресталинизации, по-моему, обреченный на провал.

Если Горбачев это понимает (что, по-видимому, так), может ли он повлиять на этих военных, сделавших военную промышленность намного более эффективной, чем гражданская экономика? Может ли он убедить их, что экономическая реформа не сможет быть эффективной без сопутствующих ей общественных и политических реформ? Может ли он убедить их, как он публично заявил, что программа любого руководителя, лишённая искренней общественной поддержки, не будет иметь

успеха. Если мой прогноз верен, Горбачев при всех обстоятельствах будет продолжать усилия по устранению наиболее непримиримых к его курсу официальных лиц с ключевых должностей, а затем, создав широкий круг сторонников, начнет программу реформ. Шенор прав — опасение еще более отстать в технологии будет неумолимо толкать в эту сторону. И если Горбачев сделает уступки инакомыслящим, они, по-моему, воспримут это положительно, по крайней мере, сперва.

Существует мнение, что добиваться уступок нереалистично, так как со стороны любого советского лидера будет глупостью приступить к реформам, подрывающим партийную монополию на идеологию, информацию и, в конечном счете, на политическую власть. Это не убедительно. Даже самые авторитарные правительства редко в действительности так могущественны, как они выглядят. Очень многое они не в силах контролировать. Скорее всего, они как и демократические правительства, оказываются лицом к лицу с дилеммами, которые не удастся одолеть. В таких ситуациях они могут решить, что экономический прогресс важнее, чем угрюмое цепляние за какую-либо форму полицейского контроля, в то время как их политическая легитимность постепенно убывает. Более того, в СССР такого рода повороты уже происходили в постсталинскую эру, хотя не было видимых признаков краха советской системы. Хрущев изменил курс в 50-е годы и, как показывает мое исследование, Брежнев также делал это на протяжении пяти лет, начиная с 1974 г.*

Если Горбачев действительно реформатор, он и его советники, возможно, понимают, что обрисованные здесь консервативные и реакционные силы невозможно одолеть без некоей коалиции между официальными реформаторами и наиболее динамичными элементами общества. Так как эти элементы

* Он пошел на это главным образом, чтобы заполучить некоторое доверие к советским обязательствам по „третьей корзине“ хельсинкского Заключительного акта. В 1974–1975 гг. аресты советских инакомыслящих сократились вдвое, и этот уровень репрессий поддерживался пять лет, после чего число арестов утроилось.

включают инакомыслящих и широкий круг людей, признающих рациональную основу их предложений, такая коалиция не будет эффективной, если значительная часть этих групп не будет хотя бы в какой-то степени удовлетворена. Если Горбачев думает иначе, то страны Запада, на которые должна рассчитывать любая серьезная реформистская стратегия и в осуществлении контроля над вооружениями, и в улучшении экономических отношений, смогут, надо надеяться, изменить его мнение, благо разумно используя, если потребуется, дипломатическое давление. Если Запад не выполнит своих моральных обязательств перед инакомыслящими, горбачевские реформы, скорее всего, не достигнут своих целей, так как не будут иметь широкой общественной поддержки. А это, в свою очередь, увеличит шансы оживления неосталинистов, цель которых — восстановить „порядок” не посредством реформ, а посредством реакции и еще более суровых репрессий.